

Секция «Юриспруденция»

О некоторых проблемах квалификации мошенничества

Шаповалова Елена Геннадьевна

Студент

Южно-Уральский государственный университет, Юридический факультет,

Челябинск, Россия

E-mail: piratka-ocean@mail.ru

Многообразие существующих способов мошенничества вызывает значительные сложности в следственной и судебной практике, поэтому Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении опубликовал достаточно подробные, соответствующие современной криминальной ситуации рекомендации по квалификации данного преступления[1]. Однако по-прежнему существует целый ряд проблем с юридической оценкой мошеннических действий и разграничением мошенничества с другими имущественными преступлениями, при совершении которых преступники используют обман или злоупотребление доверием.

Сложности в применении закона при отграничении мошенничества от краж и грабежей определяются, как правило, тем, что при совершении этих хищений виновный может прибегать к обману, вводя в заблуждение лиц, владеющих имуществом, либо входит к ним в доверие, чтобы облегчить себе доступ к имуществу и совершить затем тайное или открытое хищение. «В случаях, когда обман используется лицом для облегчения доступа к чужому имуществу, в ходе изъятия которого его действия обнаруживаются собственником или иным владельцем этого имущества либо другими лицами, однако лицо, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание против воли владельца имущества, содеянное следует квалифицировать как грабеж (например, когда лицо просит у владельца мобильный телефон для временного использования, а затем скрывается с похищенным телефоном)»[1]. Для мошенничества характерна мнимая добровольность передачи имущества, и виновный, в отличие от вора или грабителя, воздействует не на само имущество, а на сознание потерпевшего, склоняя его к передаче имущества.

Как кражу, а не мошенничество, квалифицирует судебная практика случаи использования доверия детей или психически больных лиц в целях завладения имуществом, поскольку такие лица не способны осознавать происходящее, и виновный совершает хищение тайно, без волеизъявления собственника. Однако думается, что в подобной ситуации нужно учитывать все обстоятельства изъятия имущества, особенно содержание субъективной стороны виновного. Если он осознавал, что совершает хищение в общественном месте (например, на улице, на вокзале), т.е. данное деяние могут наблюдать посторонние, то ответственность должна наступать за грабеж.

От мошенничества следует отграничивать и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (статья 165 УК РФ). Сближает эти два имущественных преступления способ причинения ущерба. Однако в преступлении, предусмотренном ст. 165 УК РФ, отсутствуют в своей совокупности или отдельно такие обязательные признаки мошенничества, как противоправное, совершенное с корыстной целью безвозмездное окончательное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или пользу других лиц[1].

От хищения путем присвоения или растраты мошенническое обращение в свою пользу переданного лицу имущества отличается тем, что имущество передается виновному не официально, на основе личного доверия, без предоставления каких-либо полномочий в отношении переданного имущества.

В то же время, говоря об отграничении мошенничества от других преступлений, следует отметить, что, несмотря на подробные рекомендации высшей судебной инстанции, не со всеми из них можно согласиться.

Так, по непонятным причинам Пленум Верховного Суда РФ рекомендует вменять виновному кражу в случае совершения хищения чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной кредитной (расчетной) карты, если выдача наличных денежных средств осуществлялась посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. Если же лицо путем обмана или злоупотребления доверием ввело в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации, то содеянное следует квалифицировать как мошенничество[1].

Отсюда можно сделать вывод, что, по мнению Пленума, обман должен применяться в только отношении физического лица – представителя потерпевшей стороны, а «обман банкомата» элементом мошенничества быть не может. Но при этом суд рекомендует квалифицировать как мошенничество, а не кражу, безвозмездное обращение лицом в свою пользу или в пользу других лиц денежных средств, находящихся на счетах в банках, совершенное с корыстной целью путем обмана или злоупотребления доверием, если эти действия сопряжены с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений.

Получается, вместо придания вопросу ясности, Пленум только породил дискуссии. Подобные просчеты тем более непозволительны, что нижестоящие суды воспринимают рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник уголовного права, применяют его буквально, а в некоторых случаях даже идут дальше.

Показательным примером в данной ситуации может быть уголовное дело из практики одного из судов г. Челябинска. Операционист банка на мониторе своего рабочего компьютера заметила, что с одного из счетов, которые она обслуживает, перечисляются денежные средства на другой счет, в то время как данная операция не могла осуществляться без ее непосредственного участия. В результате своевременных действий инженеров, службы безопасности банка и правоохранительных органов, деятельность преступника была пресечена, и он предстал перед судом. Однако квалификация совершенного им преступления ставит в тупик: он понес ответственность за грабеж. По мнению суда, тот факт, что за действиями виновного наблюдал посторонний человек, дает основание признать совершенное преступление открытым хищением чужого имущества. Ни о каком мошенничестве в приговоре речи даже не шло[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что противодействие мошенничеству уголовно-правовыми средствами осложняется не только «многоликостью» данных преступлений, схожестью их с другими имущественными посягательствами, но и недостаточно убедительными рекомендациями высшей судебной инстанции по их квалификации.

Литература

- 1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. №51 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" // Электронная правовая база «Гарант».
- 2 Горбатова М.А. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в денежно-кредитной сфере // Исследование проблем процессов социально-экономического развития региона в современных условиях: Материалы региональной научно-практической конференции (13 марта 2009 г.). – Челябинск, 2009 г. – С. 87.